



ЧАСТЬ
РЕЧИ

Геннадий Григорьев

Небо на ремонте



Часть речи

Геннадий Григорьев

Небо на ремонте

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 881.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Григорьев Г. А.

Небо на ремонте / Г. А. Григорьев — «РИПОЛ Классик»,
2018 — (Часть речи)

ISBN 978-5-386-12023-8

В книгу вошли стихотворения и поэмы Геннадия Григорьева (1950–2007), пожалуй самого яркого и популярного поэта 1980-х и 1990-х годов. Многие строки из его произведений стали настоящими хитами.

УДК 881.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-386-12023-8

© Григорьев Г. А., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

От составителя	7
Стихотворения	8
Книга	8
Наш снег	9
«Еще декабрь не коронован...»	10
Небо на ремонте	11
Сон после операции	12
«Бога нет...»	14
«Будет март непременно синим...»	15
«Свалить в леса... Хотя бы на год...»	16
В сентябрь!	17
Триптих	18
Этюд с предложениями	20
Фронтное письмо	21
Птенец	23
Выбор ветра	24
«Как над заливом...»	25
«Губами из воздуха...»	26
Осторожное	27
Романс	28
«Опять ведут щенка на поводке...»	29
Котел	30
Охота на лося	32
«Человек не с той ноги вставал...»	34
Телефонная элегия	35
Измена	36
Прощальный романс	37
Во втором приближении	38
«Ты отведешь свои глаза. Ну что ж...»	39
Сад	40
Вороненок	41
Маскарад	44
Человечек из травы	45
«Печальный человечек из травы...»	46
«Поскольку жизнь сама собой...»	47
«Душа не поладила с телом...»	48
Дорога	49
«Почему он от житейской смуты...»	50
У Горыныча	51
Сарай	52
«Я не знаю, куда это делось...»	54
«Поют пичуги. Пашня дышит...»	55
Баллада об испорченном телевизоре	56
«Человек человеку...»	59
Год две тыщи никакой	60
Песенка статиста	61

Маленький романс Вронского у камина	62
«Были мы счастливыми и юными...»	63
Песенка декабриста	64
Актер	65
«Было лето розовым...»	66
Елене Жабинковской	68
«Как ты в воду входила медленно...»	69
«Тихо вьется вдоль реки...»	70
«Мы с тобой уже добрались до стены...»	71
Записка	72
«В неурочный час ночной...»	73
«За окнами грохочет пятилетка...»	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Геннадий Григорьев

Небо на ремонте

Составление и предисловие Аглаи Топоровой

© Григорьев Г. А., наследники, 2018

© Топорова А. В., составление, предисловие, 2018

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

От составителя

Эта книга является достаточно амбициозной попыткой представить читателю наиболее полное собрание стихотворений Геннадия Григорьева, давно ставших неотъемлемой частью того, что принято называть ленинградской культурой. Каждый, кто хоть как-то интересуется современной поэзией, без запинки прочтет наизусть несколько строк из григорьевских хитов – «Песенки декабриста», «Этюда с предлогами», «Сарая», «Дня „Зенита“» и многих других.

Стихи Григорьева по-настоящему любимы публикой потому, что не нуждаются в литературоведческих и прочих пояснениях: классическая форма сочетается в них с глубоким и драматическим содержанием.

Как всякому «народному», по определению критиков, поэту, Григорьеву удается раскрывать тайны мироздания и подниматься к вершинам человеческого духа через самые простые бытовые ситуации: поход на футбол, прогулку писателей по Сенной площади, дружеский разговор, встречи и расставания.

Григорьевский взгляд на мир легок: в любой ситуации он видит прежде всего захватывающую историю – на все можно обратить внимание и всему улыбнуться. Лирический герой Григорьева – насмешливый наблюдатель за происходящим. Однако его насмешка не бывает злой, а ирония – всегда добрая. В стихах Григорьева нет ни сведения счетов с реальными и мнимыми обидчиками, ни обид на жизнь, ни пессимизма, ни ужаса смерти. Он не боится мира и не пугает им читателя, и именно в этой жизнерадостности, на мой взгляд, заключается невероятная привлекательность его поэзии.

Людам, знавшим Геннадия Григорьева лично, трудно отделить Григорьева-поэта от Григорьева-человека. Как ни банально это прозвучит, он действительно жил, как писал, или наоборот – писал, как жил. И именно эта естественность придает его стихам очарование застольного разговора с остроумным всепонимающим собеседником, актуальность взгляда которого на жизнь не исчезает, несмотря на то что его нет с нами уже десятилетие.

Григорьев остается собой, о чем бы он ни писал. Поэтому мне показалось интересным представить в этом сборнике его детские стихи и несколько стихотворений из написанных для газеты «Ленинградский метростроитель» под псевдонимом Г. Горьев, которые, несмотря на архаическую тематику, полностью соответствуют поэтике Геннадия Григорьева.

Аглая Топорова

Стихотворения

Книга

Распахнув окно, как книгу, наугад,
в желтых отблесках вечернего огня
прочитаю осторожный снегопад,
зависающий на уровне окна.
Прочитаю запорошенный ларек,
где мороженым торгуют поутру.
Будет долгим и невнятным диалог
света с тенью на встревоженном ветру.
Напряженно буду вчитываться в мрак.
И пойму, что все неправда, все не так,
потому что прочитаю в этот миг,
как, пушистый поднимая воротник,
ты, любимая, выходишь из ворот,
уходя за этот снежный разворот.

Наш снег

Он будет вечно
падать с неба,
входить в подъезды и дворы...
Скажи, зачем так много снега
такого белого – двоим?
Он наш с тобой.
Он в нашем небе.
И от него не жди добра.
Нам выпал снег.
Слепой, как жребий.
Неотвратимый, как судьба...
Перед разлукой неизбежной
ты прошептала мне:
«Нас нет...»
Но я живу одной надеждой
неисчерпаемой —
на снег!
Наш снег!
Наш белый.
Наш небесный.
Извечный, как желанье жить.
Он лавой рушится отвесной.
Он кружит,
кружится,
кружит...
Меж небом и землей посредник,
больному ангелу под стать,
быть может, он из сил последних
пытается не перестать...
Он все равно тебя разбудит.
И ты шепнешь, еще во сне:
«Нас нет...»
Ну и пускай! Мы – будем!
Любимая, нам выпал —
снег!

«Еще декабрь не коронован...»

Еще
декабрь не коронован.
Еще в дожде
живет надежда.
Еще последний лист кленовый
Свернулся в трубочку, но держится.
И население коренное
прогнозов мягких
домогаются...
Еще декабрь
не коронован.
Зима
играет
в демократию.

1973

Небо на ремонте

Нынче на ремонте наше небо.
Рассосалась очередь у касс.
Постоянно с неба вместо снега
штукатурка падает на нас.

Где-то там устало Землю вертят,
чередуюсь, сатана и Бог.
И ударно ангелы и черти
над Землей шпаклюют потолок.

В этом небе облака не тают,
это небо тайну не таит.
В этом небе птицы не летают,
и звезда с звездой не говорит.

Вот закат погас на горизонте.
И неясно, будет ли рассвет.
Старенькое небо – на ремонте.
А другого – не было и нет.

Сон после операции

Мне снился сон.
Я умирал во сне.
В чужом саду,
В сплошной решетке веток.
И надо мной парил
Последний снег,
Что, в общем-то, недурно
Напоследок.

Мне снилась смерть.
Я умирал среди
Каких-то странных
Карликовых вишен
И, затаясь,
За облаком следил.
Но мир был мертв.
Вернее, неподвижен.

Мне снился сад.
И смерть в саду пришла.
Подкралась по-кошачьи,
Незаметно...
И был один
Сомнительный, но шанс
Спасти себя —
Открыть глаза, не медля.

Мне снился снег.
Он падал на лицо,
И что-то надвигалось
Серой тенью...
«Живым проснусь я
Или мертвецом?» —
Я думал,
Приступая к пробуждению.

Мне снился сон.
Шел тихий снег во сне,
В чужом саду,
Заборами затертом...

...

И до сих пор
Не объяснили мне —
Живым я пробудился

Или мертвым.

1971

«Бога нет...»

Бога нет...
Ну что ж, и слава Богу...
Без Него достаточно хлопот.

Сея в сердце смутную тревогу,
над землей
пасхальный звон плывет.

Бога нет...

Но так, на всякий случай,
позабыв про деньги и харчи,
затаи дыхание и слушай,
как пасхальный звон плывет в ночи.

Все сильнее, все праведней, все выше
золотой
звучащею стеной
движутся колокола,
кольша
черный воздух
над моей страной.

Бога нет...
Ну что ж, я понимаю...

И, влюбленный в белый, в бедный свет,
я глаза спокойно поднимаю
к небесам,
которых тоже нет.

«Будет март непременно синим...»

Будет март непременно синим,
оттого, что ветки и ветер.
Подари мне, женщина, сына
на весеннем рассвете.

По нему наши реки сохнут,
и полям по нему нейметя.
Ослепительная и высокая
без него звезда не зажжется.

По нему тоскует дорога,
да и мне
без мальчишки плохо.
Я прошу у тебя немного —
подари ему радость вдоха.

Сделай так,
чтоб хрустнула ветка,
а на ветке вспыхнула зелень.
Подари человеку землю,
подари Земле Человека.

1982

«Свалить в леса... Хотя бы на год...»

Свалить в леса... Хотя бы на год.
Стать птицей, деревом, пчелой.
Кто ищет выгоды от ягод —
не выгадает ничего.

В лесу тревожно и пустынно.
Такая тишь стоит в душе,
что даже думать как-то стыдно
о выгоде, о барыше.

О магазинах, о покупках,
о развлечениях, о делах.
О гонорарах, женских юбках,
о водке и больных зубах.

О жизни, сдавленной под прессом:
разнообразной, но пустой...

Свалить хоть на день... слиться с лесом...
Стать волком, бабочкой, листвой...

В сентябрь!

И все-таки сентябрь —
не месяц.
Скорей, заброшенная местность.

Людьми оставленный пустырь,
где черные стоят кусты.

Вы знаете?
Вы там бывали?
Любили в сентябре?
Едва ли...

Там сыро.
Там забор дошат.
Там небу не унять дождя.

Я ненавижу эту пустошь,
где яблоней
корней не пустишь,

где кости не обрящешь – псом,
где дом построишь —
рухнет все.

Но снова чертыхнись в сердцах:
какой там юг?
Пора – в сентябрь.

Триптих

I

Прощаясь,
ты опять пожмешь плечами.
Прости меня, но в этом сентябре
я о тебе печалюсь в полпечали,
я в полтоски тоскую по тебе.
Я берегу голосовые связки
и, в теплый шарф упрятав пол-лица,
в полголоса рассказываю сказки
с концом счастливым,
но – не до конца.

Мне просто надоело на пределе
себя в своей удерживать судьбе.
Хочу побыть при галстукке, при деле
(прости, что я об этом – при тебе).

Я – как всегда – вполне полусерьезно
полушучу. (Коронный жанр – раек!)
И надвое раскалываться поздно,
и налито, как прежде, до краев.

Мне самому пока исход неведом,
но незачем заглядывать в меню.
Все сказки я закончу хэппи-эндом,
и лишь с одной
пока повременю.

II

Опять ко мне,
угрюмый и небритый,
не для чудес, а так – на огонек,
с бутылками, со свертками, со свитой
заходит полупьяный полубог.
И вновь его кулак грохочет по столу:
«Пошто такие муки нам? Пошто?»
Торжественно молчат полуапостолы,
почтительно принявшие по сто.
Он стал бы богом, да не видит толку.

А без толку зачем пугать народ?
И мой сосед подглядывает в щелку,
как полубог со мною водку пьет.

III

Я рукописей сих не издавал.
Неважно кто – стилист или апостол,
я бога для себя не создавал.
А может быть, не сознавал, что создал.
Но – авторства не стану отрицать,
когда мне скажут: «Вот твое творенье...»
Когда лицо уходит в глубь лица,
а позвоночник обретает зреньё
и авторучка обретает плоть —
становится суставчиком тревожным
и кровоточит...
я шепчу: «Как можно меня так мучить?»
Но молчит Господь.
И только в крик: «Когда же наконец
захлопнется проклятая страница,
где тварью притворяется творец,
а тварь творцом. И черт-те что творится».

Этюд с предлогами

Мы построим скоро сказочный дом
с расписными потолками внутри.
И, возможно, доживем до...
Только вряд ли будем жить при...

И, конечно же, не вдруг и не к нам
в закрома посыплет манна с небес.
Только мне ведь наплевать на...
я прекрасно обойдусь без...

Погашу свои сухие глаза
и пойму, как безнадежно я жив.
И как пошло умирать за...
если даже состоишь в...

И пока в руке не дрогнет перо,
и пока не дрогнет сердце во мне,
буду петь я и писать про...
чтоб остаться навсегда вне...

Поднимаешься и падаешь вниз,
как последний на земле снегопад...
Но опять поют восставшие из...
И горит моя звезда – над!

1969

Фронтное письмо

Каких только чудес
на белом свете нету!
Конверт о трех углах,
обычный, фронтной...
Полвека, почитай,
он провалялся где-то.
И вот пришел с войны
и лег передо мной.
Наткнувшись на него
среди макулатуры,
я понимал: читать
чужие письма – грех.
Но аккуратный штамп
«Проверено цензурой»
как бы уже письмо
приоткрывал для всех.
Был цензор фронтной
работы цензурных правил.
И он (а вдруг письмо
да попадет к врагу!)
лишь первую строку
нетронутой оставил
да пощадить решил
последнюю строку.
Я цензора сейчас
не упрекну в бездушие.
Он свято чтит свой долг.
Он знал свои права.
Не зря же он письмо
замазал жирной тушью.
Наверно, были там
и вредные слова.
Писалось то письмо
в окопе? на привале?
И кто его писал —
солдат ли, офицер?
Какие сны его
ночами донимали?
О чем он помышлял
во вражеском кольце?

.....

Лишь «Здравствуй, жизнь моя!» —
оставлено в начале.

И «Я люблю тебя!» —
оставлено в конце.

1985

Птенец

Евг. Сливкину

Птенец,
обретай оперенье,
чтоб музыка – не умерла.
Вот небо.
И в нем опереться
нам не на что,
кроме крыла.
Мой певчий
по духу и плоти,
учи себя слову «люблю»
и, пробуя крылья в полете,
в сраженьях
оттачивай клюв!
Играется – не оперетка!
Над миром теней и темнот
пусть в пестром твоём оперенье
перо золотое блеснет!
Вот гнезда,
где мы обитаем.
Сегодня здесь сыто, тепло...
Но – в небо!
Мы в нём обретаем
высокую веру —
в крыло.

Выбор ветра

А я
Не верю
В попутный ветер,
Что над землей разгоняет тучи.
Попутный – крутит,
Попутный – вертит,
Попутный ветер – плохой попутчик.
И чтобы черт
Меня не попутал,
Чтоб на земле мне стоялось крепче —
Ты не желай мне ветров попутных.
Моя надежда – на ветер встречный!
Попутный ветер —
Сума и посох.
И, значит, нужно ему перечить.
Мы сняли парус. Идем на веслах.
Нам встречный ветер расправил плечи!

«Как над заливом...»

Как
над заливом
поют уключины!
И – веселыми веслами
в брызги колючие
разбито солнце.
Лодки!
Флотилия лодок!
Паводок лодок!
Лавина!
Имя твое, любимая, дал я своей – легкой!
Имя твое, любимая, дал я своей лодке.
Имя твое —
в брызгах,
в пене морской,
в солнце!
И над моим морем
бьет в твою честь полдень.
Первым его аккордом —
всплеск
твоего платья!

«Губами из воздуха...»

Губами
из воздуха
слово слеплю.
И ты по губам угадаешь: «Люблю».
Ты видишь,
как в комнате стало светло?
Ты слышишь,
как слово встает на крыло?
Возьми же его, поддержи у лица
и в жаркое небо
швырни, как птенца!
В нем все ястребиное – ярость и стать:
пшеном – не прельстить
и стрелой – не достать!
И неистребимо клокочет в крови
высокая,
хищная жажда любви!
И город внизу изумленно гудит:
какое
красивое
слово
летит...

Осторожное

Я еще причиню тебе
Столько горя, что невозможно...
Столько боли, что не стерпеть...
Но – сегодня я – осторожно.

Завтра
Вступит с миром в союз
Соловей в чистоте непреложной.
Но чистейшую ноту свою
Как он пробует осторожно!

Будут
Краски гореть на лету —
Завтра бес овладеет художником.
Но – к нетронутому холсту —
Кистью медленной, настороженной...

Не тревожу чужих зеркал,
Где твое отраженье – ложно.
Я так долго тебя искал!
Но сегодня я – осторожно...
И доносится из-за реки,
Из чужого, осеннего сада
Осторожный звон листопада.
Как литавры его легки!

Романс

Пусть в вашем доме чисто и светло,
пусть он достатка полон и покоя.
Но в нем должно поддерживать тепло
не только отопленье паровое.

Да будет дом согласием согрет!
В любое время, при любой погоде
пусть в вашем доме не угаснет свет,
который не от лампочек исходит.

Пусть в нем царят и счастье, и уют,
пусть снова дети в доме подрастают.
Дом не живет, когда в нем не поют,
не любят, не смеются, не страдают.

Цветы менять не забывают в нем
и комнаты проветривать почаще...
Но для того, чтобы не умер дом,
живите в доме жизнью настоящей.

«Опять ведут щенка на поводке...»

Опять ведут щенка на поводке.
И держат поводок накоротке,
Пытаясь приручить щенка... Однако
Искусство, словно взбалмошный щенок,
Сермяжный обрывает поводок,
Оно всегда – Бродячая Собака!

Котел

Душой хлебороб и токарь горят на своей работе.
Непризнанный гений в творчестве сжигает себя дотла.

Я,
Абрам,
Ибрагим
и пенсионер Субботин
являемся операторами газового Котла.

Суровая медкомиссия меня проверяла – годен!
Хоть мордою – не красавец и туловом – не атлет.
Я сутки стою на смене,
а трое суток – свободен!
Но и в свободные сутки я думаю о Котле.
Как там Котел-котлище дышит в моей котельной?
К нему прикипевший сердцем,
я давно убедился в том,
что серенькие реалии жизни моей канительной
не выдерживают сравнения, сопоставленные с Котлом.
Высокое чувство ответственности меня приучил
испытывать
(чтоб там ни говорили) Ленинский комсомол.
Моя основная задача —
Котел водою подпитывать,
иначе пар под давлением может взорвать Котел!
Я к смене своей обычной готовлюсь, как воин к бою.
С молодых ногтей мое сердце приучено трепетать.
Не дай-то мне Бог систему недопитать водою,
а заодно не дай-то систему перепитать.
Наша работа людям во как необходима! —
что-то большое отапливать страна доверила нам.
Я принимаю смену – по «сетке» – от Ибрагима,
а следом за мной на вахту постоянно встает Абрам.
Пенсионер Субботин для меня представляет загадку,
что, в общем-то, и понятно. Ведь я не стыкуюсь с ним
согласно навек заведенному графику и порядку.
И точно так же с Абрамом не стыкуется Ибрагим.
Субботин стучит понемногу на Абрама и Ибрагима,
считая, что те не ставят Котел во главу угла.
А подобное, по Субботину, абсолютно несовместимо
с образом генератора газового Котла.
Как для меня Субботин, так и я для него – загадка.
Он против меня не может принять неотложных мер.
Ведь вследствие заведенного графика и порядка
со мною не состыковывается злосчастный пенсионер.

Отпустим грехи Субботину! —
ибо в мире этом бурливом
единственное, что незыблемо, – Котел,
доверенный нам.
Почти не видясь, мы все-таки являемся коллективом:
пенсионер Субботин,
я,
Ибрагим,
Абрам.

Нам будут люто завидовать грядущие поколения!
Героями легендарными мы будем казаться им,
поскольку всегда на уровне держали в Котле давление
пенсионер Субботин,
я,
Абрам,
Ибрагим.

Я,
Абрам,
Ибрагим
и пенсионер Субботин
ценим свою работу за то, что ноги – в тепле.
Но главное – сутки работаешь,
а трое суток – свободен!

Но и в свободные сутки – все помыслы – о Котле.

Охота на лося

В альбом Владимиру Рекшану

И все-таки, мой друг, нужна душа нам!
А чтоб она не зачерствела вся,
Мы на охоту собрались с Рекшаном.
Решили взять матерого лося!

Кто – на футбол, кто – в карты, кто – по бабам,
А кто-то просто превратился в пьянь...
А наш уазик прыгал по ухабам,
Родную будоража глухомань.

Здесь не шустрит рука охотнадзора,
Здесь до конца не истребили дичь.
Леса стояли. Не хватало взора,
чтоб их окинуть взором и постичь.

Что? Не убий? Заткнись, святой угодник!
Пускай охота сводит нас с ума!
Живет в любом писателе охотник:
Тургенев, Чехов, Фет, Толстой, Дюма,
Некрасов, Байрон... Это ль не примеры
Для подражания? Так что не блажи!
Да разве мы с Рекшаном браконьеры?
Писатели! Охотники! Мужики!

Мы добрались. Село. За крайней хатой
Дремучий лес. И где-то там, в снегу,
Устроив лежку, кайфовал сохатый.
И – тишина. Ни звука. Ни гу-гу.

Что говорить о подвигах, о славе?
Отговорили, мать твою ети!
Настало время приступить к облаве,
Чтоб с двух сторон зверюгу обойти.

Мы ощущали смутную тревогу,
Но шли вперед, проламывая наст.
Дул ветер в морды. Ну, и слава Богу —
Так лось ноздрями не почует нас.

Мы шли вперед. Стволы – наизготовке.
Здесь оплошаешь – наломаешь дров.
«Готовься!» – я махнул рукою Вовке,
И он махнул мне – мол, всегда готов.

Я ждал, что – мне, но повезло – Рекшану.
Вдруг перед ним, кустарники круша,
Матерый лось ворвался на поляну.
И моментально выстрелил Рекшан!

Был ранен лось. Сочилась кровью рана
В его боку. Но, опустив рога,
Лось грозно надвигался на Рекшана,
Почув в нем смертельного врага.

Я заорал: «Стреляй, стреляй же, Вовка!»
Лось надвигался, излучая злость.
Володя вскинул ствол, но бескурковка
Дала осечку. Надвигался лось!

Я бросился к Рекшану на подмогу
И вдруг увидел, как – о Боже мой! —
Рогами зацепив Володьке ногу,
Лось вновь тряхнул огромной головой!

В лесу рев зверя раздавался гулко.
И я подумал: Все. Володька влип...
Не подведи меня, родная «тулка»,
Двустволочка, двенадцатый калибр...

Иначе что ж скажу Ирине? Людям —
Писателям? Черт бы их всех побрал!

Я просто Бога попросил о чуде
И выстрелил. Лось рухнул. Наповал!

Рекшан, ты помнишь про минуты эти
И не болит ли у тебя нога?

Я иногда часами в кабинете
Смотрю на двухметровые рога...

«Человек не с той ноги вставал...»

Человек не с той ноги вставал
и весь день ходил смурной и злощий.
И ко всем на свете приставал
человек, не с той ноги встающий.

Человек вставал не с той ноги,
а потом на кухне бил посуду.
И разнообразные враги
человеку чудились повсюду.

Человек не с той ноги вставал.
И, вставая, с недовольным видом,
вечно спотыкался и хромал,
хоть и не являлся инвалидом.

Что об этом я могу сказать?
Собираясь в дальнюю дорогу,
перед тем, как на ноги вставать,
выберите правильную ногу.

Телефонная элегия

Если слышишь длинный зуммер:
пи... пи...
Так и знай, что кто-то умер.
пи... пи...
Из двустволки застрелился...
пи... пи...
В полной ванне утопился...
пи... пи...
Перерезал вены бритвой...
пи... пи...
Сиганул в окно с молитвой...
пи... пи...
Привязал за крюк веревку...
пи... пи...
Положил башку в духовку...
пи... пи...
Взял и сделала харакири...
пи... пи...
Или делает в сортире пи-пи.

Измена

И надвое шпагу свою о колено!
Измена!

Добро бы еще на дворе постоялом
случилось такое...

А то – в королевстве. В моем.
В постоянном.
В парадных покоях —
измена!

Ну что ж, инструменты для пыток готовы.
Темницы – темны, и надежны оковы.

А может быть, проще исправим оплошность?
Эй, стражники! Плаху тащите на площадь!

.....
.....

Изменница молча сидит на тахте.
Ее сигаретка дрожит в темноте.

Она не боится темниц и оков.
Она переносит все это легко.

Измена!

Прощальный романс

И настает печальный час.
И по проспекту городскому,
себя доверив гороскопу,
уходят женщины от нас.

Навстречу истинной судьбе,
навстречу игрищам и торгам
они уже спешат с восторгом —
они уверены в себе.

А по прудам идут круги,
и в старом парке гаснут клены...
Еще нежны, но непреклонны —
уходят женщины к другим.

Они спешат на дальний свет
(да будет он хоть трижды ложным!)
и остаются в нашем прошлом.
Ведь в нашем будущем – их нет.

А мы? А мы им всё простим
и, улыбаясь, выйдем в вечер.
Но не вослед пойдем. Навстречу.
Навстречу женщинам другим.

1980

Во втором приближении

Я на первых порах
свою ноту замалчивал.
Голосили – блаженные.

Только жизнь оказалась гораздо заманчивей
во втором приближении.

Я обжегся на первом.
Но прочь причитания!
Это ли поражение?
Мой бесформенный мир приобрел
очертания
во втором приближении.

Как пленительно первое прикосновение!

Но на встречном движении
ты, любовь, оказалась куда сокровеннее
во втором приближении.

«Ты отведешь свои глаза. Ну что ж...»

Ты отведешь свои глаза. Ну что ж.
Не упрекаю – ни строкой, ни взглядом.
Ты не уходишь.
Ты перестаешь.
Как теплый дождь над яблоневым садом.

Не объясняй. Я все и так пойму.
И улыбнусь – спокойно и устало.
Ведь я-то знаю: саду моему
лишь теплого дождя недоставало.

Сад

Ветвями
погружаясь в небеса,
сад ликовал – восторженный и юный.

Глухим забором
окружая сад,
«Не убежит!» – сказал садовник,
сплюнув.

И, отводя от буйных яблонь взгляд,
он заходил то спереди, то сзади
и бормотал: «На то ведь ты и сад,
чтоб там сидеть,
куда тебя посадят!»

И ничего не тренькало в груди.
И возникала страшная преграда —
глухим забором
сад огородив,
он сам
отгородил себя от сада.

Уже не видя, как, от яблок бел,
в саду резвился беспризорный ветер,
«Не убежит?» – спросил,
и сам себе,
сжав кулаки,
«Не убежит!» – ответил.
А сад
бедовым,
яблоневым был!
Средь бабочек, шмелей, жуков навозных,
как жеребенок, он копытом бил,
ноздрями жадно втягивая воздух!

Он знал, что от садовничьих хлопот
уже ничто на свете не зависит...
Сад – в яблоках, – гарцующий, он ждет,
когда его
веселый всадник
свистнет!

Вороненок

То озорной,
то грустный,
то веселый,
плюющий на людскую суету,
какие сногшибательные соло
нам выдавал соловушка в саду!

Он падал
разноцветным водопадом,
он каждый лист
умел играть
с листа.
И ночь плыла и плакала над садом,
от соловьиной музыки чиста.

Как жаворонок маленький висел
(как вертолетик!)
над колхозным лугом,
над пашней,
где ходил мужик за плугом
и где потом на трактор пересел.
Быстрее пошла крестьянская работа!
Там небеса
как нотная тетрадь,
вся – в радугах, и жаворонок – нота.
Высокая.
Отсюда не достать.
На даче кенарь-профессионал
в своей нарядной
золоченой клетке,
побаиваясь аппассионат,
недурно сочиняет оперетки.

Угодно ли —
концерты на дому,
хотя певец
далек от идеала
и в темноте – молчит.
А потому
наброшено на клетку одеяло.

.....

Как певчий мир
пернат и звонок!

Все перепеть друг друга норовят...
Жил некогда на свете вороненок.
Обыкновенный черный вороненок.
(Великолепный!
Черный!
Вороненок!)
Не отличишь от прочих воронят.
Он петь хотел.
Его учили каркать.
Он жить хотел.
Его учили вить
на кладбищах
над серыми крестами
вороньи гнезда.
Ну куда ты, глупый!
Поют другие —
певчие пичуги.
А у тебя, увы, дурная слава —
ты должен каркать.
Он любил парить
над городом,
сверкающим и шумным.

Он залетал в окрестные сады,
где соловьи залетные блистали
своим искусством.
Он парил над миром
и улыбался.
(Бедный вороненок!)

Однажды он сидел в центральном парке
и наблюдал за детской игрой...
Сбежались люди:
«Посмотрите —
ворон!»
Собаки, кошки набежали:
вот он!
Еще беду накаркает...
Гони!
А он сказал:
«Я не умею каркать,
я петь умею...
Можно я спою?»
Толпа расхохоталась —
вот умора!
Видали остряка?
Давай отсюда!
Лети себе,
покуда крылья целы,

а то, не ровен час,
перешибем!
А он сказал:
«Я не умею каркать,
я петь умею...
Можно я спою?»»

Наш милый говорун перестарался:
дразнить толпу —
опасная затея...
Не хочешь каркать?
Мы тебе поможем.
И, всколыхнувшись,
в тысячу гортаней
вокруг него закаркала
толпа.
Закаркали юнцы, пенсионерки,
доцент с портфелем каркнул осторожно.
И девушка,
стоявшая поодаль,
с букетиком растрепанных фиалок,
с печальной,
тонкой шейей,
подошла
и – каркнула.
И лишь тогда он понял.
Почувствовал,
как грозовая туча
нашла на солнце.
Как цветы поникли.
Как смолкли соловьи в садах окрестных.
Как тихо стало.
И тогда он
каркнул!
Он вспыхнул,
как костер
из черных перьев,
и небо в черном пламени
померкло
и с грохотом обрушилось на землю.
Толпа бежала.
Вороненок – пел.

Маскарад

Эй, оборотень в бороде,
при галстукe и трубке,
ты, случаем, не знаешь, где
мой оборотень в юбке?

А оборотень в бороде
ответствует со злобой,
что он не оборотень-де...
Разоблачи попробуй!

Ах, оборотень! Добрый день!
Я – опоздал, ты – чудо.
Я тоже оборотень, тень.
Ничто и ниоткуда.

Мы оба оборотни. Раз!
– А кем мы обернемся?
– А кем угодно. Мы сейчас
уйдем. И не вернемся.

Человечек из травы

Угрюмый человек из-под земли
добудет что-нибудь из-под земли.
Да только все равно он никогда
не сможет оторваться от земли.

Тяжелый человек из кирпича
себе построит дом из кирпича.
Да только рухнет дом из кирпича,
поскольку этот дом – из кирпича.

Богатый человек из серебра
залезет в самолет из серебра.
Да только он на землю упадет —
богатый самолет из серебра.

«Печальный человечек из травы...»

Печальный человечек из травы
себе построит лодку из травы.
Над ней поднимет парус из травы
и в ночь уйдет по морю из травы...

«Поскольку жизнь сама собой...»

Поскольку жизнь сама собой
вперед идти пытается,
одна судьба с другой судьбой
порой переплетается.

И нету здесь ничьей вины,
и мы не будем судьями,
ведь судьбы переплетены
всегда с другими судьбами.

Ты все готов отдать в залог —
пусть узелок развяжется...
А может, этот узелок
твоей судьбой окажется...

Ведь наша жизнь сама собой
вперед идти пытается,
и в ней одна судьба с другой
не зря переплетается.

«Душа не поладила с телом...»

Душа
не поладила с телом.
Ей стало невмоготу.
Как белая девочка в белом,
уходит она в темноту.

«Вернись, – я кричу ей, – на место!
Смотри – начинается дождь.
На улице холодно, мерзко...
Простудишься и пропадешь».

Верни ее, дуру, попробуй...
Все тоньше и призрачней свет.
И плоть моя с тяжкою злобой
покорно плетется вослед.

Дорога

Куда ведет далекий путь —
назад или вперед?
Авось ведет куда-нибудь,
куда-нибудь ведет...

– Скажи, куда наш путь лежит?
– Лежит куда-нибудь.
И если путь вперед бежит,
с него нельзя свернуть.

Как хорошо, что ты в пути
совсем не одинок.
Вот-вот зажжется впереди
заветный огонек.

И снова путь вперед спешит,
и мы спешим с тобой.
И огонек в ночи дрожит,
как будто – он живой...

«Почему он от житейской смуты...»

Почему он от житейской смуты,
лезет то ли в омут, то ль в хомут,
невозможно объяснить кому-то,
все равно неправильно поймут...

Надоели старые оковы,
и ему всерьез, без дураков,
хочется чего-нибудь другого...
новых, что ли, хочется оков...

Человеку не страшны потери,
он пошел судьбу свою искать,
и ему вослед гудели двери,
словно не хотели отпускать...

Человек стоял на переправе,
о былых утратах не скорбя.
Больше он не сомневался в праве
Юрьев день устроить для себя.

У Горыныча

У Горыныча голов —
семь!
Он довериться готов
всем!

Каждый вечер
за огромным столом
заседают они все
всемером.

И подумала
седьмая голова,
что она всем головам —
голова.

Но сказали шесть голов
голове:
«Что ты держишь, голова,
в голове?
Ты не будешь, голова,
головой.
Ты ответишь нам за все
головой».

Сняли голову
седьмой голове.
Покатилась голова по траве...
А на месте той седьмой головы
голова уже другой
головой.

У Горыныча голов —
семь!
Он довериться готов
всем!
Каждый вечер
за огромным столом
заседают они все —
всемером!

Сарай

Ах, какие были славные разборки:
во дворе под бабий визг и песий лай,
будоража наши сонные задворки,
дядя Миша перестраивал сарай.
Он по лесенке, по лесенке – все выше...
А в глазах такая вера и порыв!
С изумленьем обсуждали дядю Мишу
заборные усадьбы и дворы.
«Перестрою!» – он сказал. И перестроит.
Дядя Миша не бросал на ветер слов.
Слой за слоем отдирает он рубероид —
что-то около семидесяти слоев.
Он прямым и задушевым разговором
завоевывал дворовую толпу,
подковыривая гвозди гвоздодером,
поддевая монтировкой скобу.
Сверху вниз летели гайки, шпингалеты...
Как бы дядя Миша сам не рухнул вниз!
Снизу вверх летели разные советы...
В общем, цвел кругом махровый плюрализм.
Во дворе у нас, на полном на серьезе,
дядя Миша перестраивал сарай.
Дядя Боря, разойдясь, пригнал бульдозер.
Дед Егор ему как рявкнет: «Не замай!»
Дело сложное, к чему такие гонки?
И не каждому такое по уму...
Мы с Витьком глушили водку чуть в сторонке,
с интересом наблюдая, что к чему.
Вдруг стропила как пошли, просели – эх, мать!
Неужели план работ не разъяснен?
«Дядя Миша! Ты позволь, мы эту рухлядь
в четверть часа топорами разнесем!
Эй, ребята, кто ловчей и с топорами,
разомнемся, пощекочем монолит!»
Дядя Миша говорит: «Не трожь фундамент,
он еще четыре века простоит».
Мы б снесли все до основ, как говорится.
И построили бы сауну... сераль...
На худой конец, хотя бы психбольницу.
Дядя Миша перестраивал сарай...
Мы с дружкой сидим по-тихому, бухаем...
В этом ихнем деле наше дело – край.
Все равно сарай останется сараем,
как он там ни перестраивай сарай.

1988

«Я не знаю, куда это делось...»

Я не знаю, куда это делось...
Я имею в виду державу,
что огнем выжигала ересь
и мечом добывала славу.

Меж великих морей лежала,
богатырских детей рожала,
перед врагом не дрожала.
Ах, какая была держава...

Пол-Европы зерном кормила.
Воевала моря и страны.
И держали ее кормила
венценосные капитаны.

И столы ломались от яства,
ибо щедро земля дарила.
И была у пастыря паства.
И была у державы сила.

И совсем не народным стоном
(это наглые оговоры)
золотым колокольным звоном
оглашались ее просторы.

Называлась она красиво.
Называлась она – Россия.
Сто языков в узде держала.
Ах, какая была держава.

Январь 1998

«Поют пичуги. Пашня дышит...»

Поют пичуги. Пашня дышит.
Под ветерком шумит листва.
Но только этого не слышит
Иван, не помнящий родства.

О, как над речкой плачет ива,
И звезды плавают над ней...
Но ты опять проходишь мимо,
Иван, не знающий корней.

Как, сердце радуя и раня,
Плывет в ночи пасхальный звон...

Я говорю: Опомнись, Ваня...
Но ничего не помнит он.

Баллада об испорченном телевизоре

В моей квартире
тихо стало вдруг.
Сначала я не понял,
в чем тут дело.
Мой телик захандрил.
В нем лампа села,
которая ответственна на звук.

Я кулаком по крышке!
Но в ответ
ни полслова...
Я пыль с экрана вытер.
Я повертел такую штуку – «гетер —
один»...
(Второго почему-то нет.)

Все без толку! Молчок.
Вот это ново!
Я ж к дикторскому голосу привык.
Но – до свиданья! Без руки и слова.
Мой старый телик
проглотил язык.

По трем программам
дел невпроворот!
А у меня затишье...
Вот непруха!
И видит око, да вот зуб неймет.
Хотя при чем тут зуб?
Не внемлет ухо!

Не слышу я, как мой родной народ
решения – выносит,
вносит – ясность.
Там все, как рыбы, открывают рот.
Я полагаю, ратуют за гласность.
(А может быть, уже наоборот?)

По всем, по тем программам
тишина.
Втихую – и брейк-данс, и авторалли.
Что? Где? Когда?
И с кем идет война?
Пошто митрополита показали?

По трем программам
дел невпроворот!
Но как понять, что в мире поменялось?
Ведь села лампа у меня.
И вот
исчезла гласность.
Видимость осталась

О чем сегодня нам поет «Секрет»?
Кого метелят на хоккейном поле?
Никто не растолкует.
Звука нет.
А видимость есть видимость.
Не боле.

Сводя с ума,
мелькает предо мной
необъяснимый мир в немых картинках...
Переключаюсь на канал другой.
И – тишина.
И девочки на спинках
лежащие...
И ножками – дрыг, дрыг!
Как все это не в пику, не к моменту!
Я ж с детства к комментарию привык,
к суфлированию,
к аккомпанементу.

Что митинг
с транспарантами вверху!
что «Волга-Волга»
с титрами по низу?
Я ж не могу без слова на слуху.
Я все отдам за реплику, репризу.

Ни полсловца
не вытянув из них,
мне старый телик вырубить осталось...
Но в это время,
к счастью, начиналась
программа «Время»
для глухонемых.
И понял я,
как наша жизнь проста,
перед экраном опускаясь в кресло.
Там все вставало на свои места,
как бы в театре
мимики и жеста.

Я понимал:
Идет...
Борьба...
За мир...
Хоть мир...
Еще таит в себе...
Опасность...
Я понимал!
Растет...
Число...
Квартир...
Вот пальцем ткнули в рот.
Ага! Про гласность!
Завоеваний...
Мы...
Не отдадим...
Проценты...
Подобьем...
Ударим...
Суммой...
Вот пальцем погрозили.
Это им.
Вот по лбу постучали:
думай, думай!

Бой...
Пьянству...
Ускорению...
Привет...
Все вместе...
Ликвидируем...
Осталось...

И что за горе,
если звука нет.
Ведь главное – что видимость
осталась.

Мерцал экран,
привычный, голубой...
И на меня наваливалась скука:
я ж это время
рассекал без звука,
как самый рядовой
глухонемой.

«Человек человеку...»

Человек человеку
был,
разумеется,
брат и друг.
Человек человека
бил
не покладая рук.
Аккуратненько
на прицел
человек человека
брал.
Я читал на его лице:
человек человеку —
брат!
Разумеется,
шел тогда
наш прекрасный,
великий век
созидательного труда.
Человека бил
человек.
Век гудит
за моим окном.
Век в счастливое
завтра
прет.
Созидающим кулаком
человек человека
бьет.

1970

Год две тыщи никакой

Хорошо то или плохо,
но кончается эпоха,
век уходит на покой.
Мы сейчас вступаем с вами
в странный год с тремя нулями —
в год две тыщи никакой!
Новый век ударит – датой!
Мы отметим 45-й,
перед ним 37-й.
Ну а этот год – особый —
угадай поди, попробуй,
чем нас встретит – светом? Тьмой?

Кто придет – варяги? Гунны?
Кто – с брони или с трибуны
нам укажет путь рукой?
И в какой мы будем яме
в этот год с тремя нулями —
в год две тыщи никакой?!

С новым счастьем, с новым годом!
Я сейчас со всем народом,
словно в омут головой,
вместе с планами, стихами,
в общем, вместе с потрохами
в год вступаю нулевой!

Пусть плетутся дни за днями.
Будем в год с тремя нулями
и с нулями жить в ладу.
Вкусной вам духовной пищи,
денег вам, друзья, – две тыщи! —
в никаком таком году!

Песенка статиста

Мне досталась в этой пьесе
очень маленькая роль,
в ней всего четыре слова:
«Мы прорвемся, мой король!»
Десять выпадов рапирой
и, когда свободен путь,
умирающий противник
мне клинок вонзает в грудь.
Я лежу на авансцене,
муха ползает по лбу,
уходящего сраженья
слышу грохот и пальбу.

Но придет священник вскоре,
побормочет надо мной,
и король, потупя очи,
скажет:
«Умер как герой».
Я спрошу его в антракте,
скрыв под желтой маской боль:
«Как вы справитесь с врагами,
я ведь умер, мой король?»
И король ответит грустно:
«Не волнуйся, мальчик мой,
я ведь сам по этой пьесе
отрицательный герой».
И его в ближайшем акте
расстреляют у стены —
очень может быть, на благо
нашей чертовой страны.

Маленький романс Вронского у камина

Ах, какие были балы!
Ах, куда нас страсть завела!
Твои руки были белы,
И какая любовь была.

Ночь плыла над персидским ковром.
И тела согревал камин.
Это все – для двоих, вдвоем...
А теперь я один... Один!

Твои губы были полны
неизведанного тепла...
Я не вижу своей вины,
что сгорела любовь – дотла.

«БЫЛИ МЫ СЧАСТЛИВЫМИ И ЮНЫМИ...»

Были мы счастливыми и юными,
жили беззаботно и красиво...
Так зачем колесами чугунными
товарняк грохочет торопливо?

В общем-то, история банальная...
Катятся тяжелые вагоны.
Медленно вдоль здания вокзального
ты сейчас проходишь по перрону.

У тебя еще походка – гордая,
только веет от нее печалью.
Ты сейчас свое страданье горькое
от людей скрываешь под вуалью.

А вокруг кривляются уродливо
злые перекошенные лица.
Сколько в мире гадкого и подлого!
В нем уже любовь не возродится...

Гадок мир. Так вот и не перечь ему,
ведь ему бессмысленно перечить.
В этой жизни радоваться нечему.
Можно только душу искалечить.

Ты была и нежной, и доверчивой,
всей душой любила и страдала.
Но как будто с куклой гуттаперчевой
жизнь с тобою в куклы поиграла.

Не случится ничего хорошего.
В темноте уже свеча потухла.
И сегодня под колеса брошена
будет гуттаперчевая кукла.

Песенка декабриста

Декабристки! Где вы, декабристки?
Завтра я, чуть свет, уйду в пургу...
Декабристки, я ж – включенный в списки,
Я ж без декабристки – не смогу.

Как дела в сенате? – Будьте-нате!
Декабристки! Я уже не граф...
Где вы, Оли, Тани, Светы, Кати?
Кончилось шампанское, инаф.

Знал я толк в борьбе, бабье и в риске;
Промаха не знал мой пистолет;
Я все тот же, тот же, декабристки...
Разве только что без эполет.

Я б сбежал, да ненавижу виски...
Мы еще царям предъявим иск.
Где-нибудь в Сибири, декабристки,
Будет мне поставлен обелиск!

Выживу – без денег, без прописки,
Но без декабристки – не смогу...
Декабристки! Где вы, декабристки?
Кто за мной, чуть свет, пойдет в пургу?

1973

Актер

На плоском небе – плоская луна.
Все королевство – на живую нитку.
Сквозь старый бархат улица видна,
зато хлопот поменьше и убытку.

Так и живу – на публику, при всех
заботясь о душе и о желудке
под чей-то свист, шишиканье и смех,
под шепоточек из суфлерской будки.

Суфлер уверен: это – балаган,
где понарошку любят, умирают...
Он думает – из ваты облака,
так и дождей над нами не бывает.

Он в панике – актер безбожно врет!
Презрев единство времени и места,
я не хочу заглядывать вперед.
Я отступил от авторского текста.

А зритель валом валит посмотреть
мою игру, талант одобрить, юмор...
И «бис!» орет, чтоб я повторно умер.
Я не могу повторно умереть!

Я честно жил. И был в бою сражен.
Так прокричи во все концы, глашатай.
Я жил и умер на земле дощатой.
И никогда не возжелал чужой!

«Было лето розовым...»

Было лето розовым
ласковым и милым,
и плыла над озером
сказка, словно дым,
голубые волосы
были у Мальвины,
и сердечко тоже
было голубым.

И она играла
в голубые куклы,
и мечтала часто
в полумгле лампад,
и вплела однажды
в голубые кудри
непокорный ветер,
словно белый бант.

И летела вечность
в голубых качелях,
и шумел, качаясь,
изумрудный лес,
а она играла
на виолончели —
так, что птицы замертво
падали с небес.

Над хрусталь-озерами,
в той стране прибрежной
мы забыли самые
страшные грехи.
И поэт хороший
стал шутом прилежным
и читал Мальвине
сладкие стихи.

Я стою под дулами,
о Мальвине думаю:
«Глупая планета —
наш хрустальный дом.
Ах, Мальвинка, милая,
голубая дурочка,
кто из нас повинен
в цвете голубом?»

С голубыми чувствами
никуда не денешься.
И приходит вечер
страшный, голубой,

но живет поэзия —
голубая девочка,
над хрусталь-озерами
с ласковой водой.

Елене Жабинковской

Все в мире проходит – любовь и весна.
Исход неизбежен летальный.
Мы недолговечны, как след от весла
На глади зеркальной.

Сверкают песчинки, и нет им числа.
Колблется свет иллюзорный.
А может быть, вечен лишь след от весла
На глади озерной.

«Как ты в воду входила медленно...»

Как ты в воду входила медленно...
Как ты плавала – на спине!
Сигареты курила, плакала,
говорила о чем-то мне.

То лгала, то молила взглядом,
словно чем-то я мог помочь.
И качался зачем-то рядом
круг спасательный на волне.

Ну спасемся с тобой, а дальше?
Мир лишь внешне похож на море.
Ты лежишь на волне прозрачной,
и улыбка твоя – легка.

Далеко мы с тобой заплыли!
И над морем, верней – над миром
даже чайки уже не блещут
и не плавают облака.

1971

«Тихо вьется вдоль реки...»

Тихо вьется вдоль реки
наша узкая тропинка...
Я прошу твоей руки,
свет мой, Катя-Катеринка!

Можно здесь же – раз и два,
а понравится – и третий...
Но прекрасные слова
неспроста живут на свете.

Я прошу твоей руки!
Как и водится – навеки.
Очевидно, вопреки
нравам здешней дискотеки.

Так вот крылья мотыльки
о стеклянный свет ломают...
Я прошу ее руки...
.....
Не дает. Не понимает.

1985

«Мы с тобой уже добрались до стены...»

Мы с тобой уже добрались до стены
образцово-показательной страны.

В той стране вольготно-весело живет
образцово-показательный народ.

Может, стану в той стране под старость лет
образцово-показательный поэт.

Ну а ты мне станешь будущей весной
образцово-показательной женой.

.....

Так давай скорей отправимся туда
повышать производительность труда.

1971

Записка

Ты сегодня, Натали,
сердце мне пронафталинь.

Положи его, мой друг,
в старый кованый сундук.
На сундук повесь замок,
чтобы я открыть не смог.

Ржавый ключ забрось в окно.

Страшно?
То-то и оно...

1977

«В неурочный час ночной...»

В неурочный час ночной
я приду к тебе, к любимой,
через двор непроходной,
через бор непроходимый.
Через каверзы чащоб,
через чьи-то частоколы,
через... Что бы мне еще
напридумывать такого?
Через шапки снежных гор,
сквозь ночной жестокий ветер,
всем чертям наперекор,
вопреки всему на свете.

Можно проще – без хлопот:
выйти вечером к перрону.
Если фокус не пройдет,
позвонить по телефону,
заскочить к тебе домой...

Я приду к тебе любимой,
через двор непроходной,
через бор непроходимый.

«За окнами грохочет пятилетка...»

За окнами грохочет пятилетка,
а мне с тобой – спокойно и легко.
Поведай мне о Блоке, блоковедка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.